

О. Ю. Артемова

ОБ ЭТНОЛОГИИ, ИЛИ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ, В НАШЕЙ СТРАНЕ СЕГОДНЯ

С большим сожалением приходится признать, что в нашем обществе этнография (этнология, социальная антропология) как особая, чрезвычайно широкая, область знания – в дальнейшем изложении я буду именовать ее только этнологией – играет гораздо менее значительную роль, чем следовало бы, особенно если принять во внимание сложную, многонациональную и многоконфессиональную структуру современного российского общества. Налицо парадоксальная ситуация: огромное научное наследие и немалый интеллектуальный потенциал отечественной этнологии, с одной стороны, и глубокая этнологическая безграмотность как основной массы населения, так и власть предержащих на всех уровнях иерархических лестниц, с другой.

Очевидно, все же в настоящее время можно видеть какие-то сдвиги к лучшему, но не слишком отчетливые. Этот процесс, как представляется, замедляется еще и немалой путаницей, которую внесло – не только в широкое общественное сознание, но и в сознание профессиональных гуманитариев – внедрение в активный оборот терминов “социальная антропология” и “культурная антропология”, ранее не характерных для отечественной классификации научных дисциплин. Внедрение этих терминов, безусловно, было продиктовано не научными или познавательными интересами, а сугубо конъюнктурными мотивами. Использование их в настоящем в значительной мере также определяется конъюнктурными мотивами.

Дело в том, что лет 13–15 назад в нашей стране высвободилось огромное число людей, раньше занимавшихся историческим материализмом, научным коммунизмом, политэкономией социализма и т.п. Им надо было как-то перепрофилироваться, по крайней мере, формально, – и хлынул поток публикаций, в которых под видом якобы новой науки – социальной или культурной антропологии – выступало нечто странное и непонятное. Появились и новые вузовские структуры, и особая вузовская специальность “социальная антропология”, и государственный образовательный стандарт, ее регламентирующий. Содержание всей этой деятельности было связано с подлинной социальной антропологией по большей части лишь декларативно. Сначала российские этнологи как-то оставались в стороне от бурного процесса “рождения в муках новой науки” (слова одной “ученой” дамы). Но потом спохватились, можно сказать, даже за голову схватились. Стали уверять новоявленных коллег, – главным образом на их торжественных собраниях, – что социальная антропология уже давно в нашей стране развивается, хотя и иначе именуется – этнографией, или этнологией; что эта наука у нас оформилась в самостоятельную отрасль тогда же, когда выделились и социальная антропология в Англии, и культурная антропология в США; что выдающийся русский этнограф А.Н. Максимов исследовал те же проблемы, которые изучал выдающийся английский социальный антрополог А.Р. Рэд-

Ольга Юрьевна Артемова – доктор исторических наук, заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

клифф-Браун; ведущий советский этнограф С.А. Токарев писал о том же, о чем и знаменитый американский культурный антрополог Р. Лоуи и т.д.

Конечно, все эти уверения ни к чему не приводили, ведь одну сторону участников таких дискуссий интересовало существо дела, а другую – так сказать, место под солнцем. И стало очевидно, что единственный способ противостояния невежественному “социально-антропологическому буму” – это организация новых образовательных и научных структур, в которых под названием “социальной (или культурной) антропологии” будут вестись исследования и преподавание, действительно отвечающие этой отрасли знания в международном понимании и где будут работать подлинны профессионалы, т.е. этнологи. В конце 1990-х годов возникло несколько таких структур при крупнейших вузах страны. Одним из примеров может быть Учебно-научный центр социальной антропологии при Российском государственном гуманитарном университете в Москве, в котором по совместительству преподают и ведут исследовательскую работу сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, а также специалисты из некоторых других академических институтов.

Это начинание, как представляется, уже дало положительные результаты, и именно те, к которым стремились задумавшие его ученые, но оно же и добавило свою долю парадоксальности в общую ситуацию с этнологическим (социально/культурно-антропологическим) знанием в нашей стране. Ведь получается, что одни и те же люди являются социальными антропологами в вузах и этнологами в научно-исследовательских институтах, а случается, что они в одном высшем учебном заведении преподают этнологию, а в другом – социальную антропологию. А порой обе дисциплины преподаются в одном и том же вузе, но уже разными людьми, которые пытаются искусственно провести демаркационные линии, чтобы сохранить свою преподавательскую нагрузку. Студентам же и другим заинтересованным лицам остается только недоумевать.

Добавим, что все это происходит на фоне неиссякающего потока публикаций книг и, что особенно опасно, учебных пособий, в которых то под названием “этнология”, то под названием “антропология” (социальная или культурная) фигурируют тексты, не только не имеющие отношения к соответствующей области знания, но и содержащие грубейшие фактические ошибки, а порой даже характеризующиеся разизмом, шовинизмом, национализмом.

Кстати, можно привести факт, красноречиво свидетельствующий о степени влиятельности профессиональной этнологии в условиях сложившейся сегодня конъюнктуры. В 1999 г. весьма внушительным тиражом вышло учебное пособие “Этнология”. Автор – А.П. Садохин. В 2001 г. тот же текст, с некоторыми незначительными изменениями, был переиздан уже под двумя фамилиями – А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая (оба автора работали тогда в Калужском пединституте) – и имел другое название: “Лекции по этнологии”. В 2003 г. предполагалось очередное переиздание той же книги и очень большим тиражом. Рукопись этого варианта лекций (мало измененного, по сравнению с предыдущими) была прислана на рецензию в Институт этнологии и антропологии РАН. Трое специалистов, проведя независимые экспертизы, дали резко отрицательные его оценки, главный смысл которых сводился к тому, что авторы лекций не могут писать учебных пособий по этнологии ввиду отсутствия профессиональных знаний. Рецензии иллюстрировались красноречивыми примерами и были посланы в издательство с сопроводительным письмом, подписан-

ным директором института. В настоящее время третье издание “Лекций” красуется на полках всех крупнейших книжных магазинов Москвы.

Профессиональная отечественная этнология не только не в силах воспрепятствовать публикациям безграмотных “узурпаторских” книг, статей, учебников, она не в силах даже адекватно отреагировать на них отзывами в печати – так велико их количество. Хотя можно бросить и упрек самим этнологам: они не считают такую работу нужной и почти не делают ее. А напрасно. Ведущим периодическим изданиям, в первую очередь журналу “Этнографическое обозрение”, следовало бы создать специальные отделы, публикующие критику хотя бы части означенной печатной продукции. Это имело бы большое просветительское значение и, несомненно, укрепило бы позиции нашей науки в стране.

К сказанному можно добавить, что порой и весьма образованные люди гуманитарного профиля вносят свою лепту в современный “этнолого-антропологический сумбур”. Так, на одном из научных мероприятий в Российском государственном гуманитарном университете ведущий отечественный фольклорист уверял присутствующих, что культурная антропология как отрасль знания и как наука интересует и “устраивает” его более, чем антропология социальная. А один из кумиров нашего гуманитарного мира, блестящий эрудит, филолог, лингвист, фольклорист, историк и философ публикует книгу под названием “История русской антропологии”, которая явно посвящена не развитию физической антропологии в нашей стране и не развитию этнологии (этнографии), а некоей особой третьей сфере знания, служители которой, несомненно, не представляли, что они являются антропологами, подобно тому как мольеровский герой не знал, что говорит прозой. Сравнительно недавно своим наивным вопросом я поставила в тупик видного социолога – составителя вузовской программы, в которой в качестве двух самостоятельных дисциплин фигурировали “история этнографии” и “история культурной антропологии”. “А в какой из этих двух историй будут разбираться труды Ф. Боаса и М. Годелье?” – спросила я.

Представляется, что во многом сложившаяся ситуация связана с недостатком внимания в среде самих профессионалов к фундаментальным, коренным, так называемым теоретическим, проблемам этнологического знания – проблемам социальной эволюции и поисков структурных универсалий социального бытия в глобальных кросскультурных и историко-социологических перспективах. Именно широкое обсуждение проблем такого рода способно, на мой взгляд, внести хотя бы относительный порядок в умы. А “порядок в умах” – это обязательное условие того, чтобы профессиональное знание могло находить себе практическое применение и способствовать решению актуальных проблем текущей жизни.